

услышав мысли начальника Сяо, Иньшэнь замер всем своим собачьим телом.

Это... это... неужели он довел человека до слез?!

Неужели Сяо Яо расстроился из-за того, что он собирался спать на диване?

Иньшэнь, словно перед лицом грозного врага, запустил свой заржавевший мыслительный аппарат. Чем больше он думал, тем сильнее убеждался: этот бедный человеческий детеныш так долго жил один, и вот наконец-то рядом кто-то есть, а он заявляет, что будет спать на диване...

Эмоционально закрытый молодой человек человеческой расы на словах спрашивает, в какой гостевой комнате тот будет спать, а в душе наверняка хочет, чтобы он составил ему компанию.

Иньшэнь посчитал, что раскусил намерения Сяо Яо, но при этом должен был беречь его гордость. Ему оставалось лишь нерешительно, с опаской вытянуть шею, легко потереться о шею Сяо Яо и тихонько пообещать:

— То... тогда я не буду спать на диване. Хочешь, я посплю с тобой?

Сяо Яо: —

Душа Сяо Яо улетела за пределы тела, и его и без того уставший мозг окончательно превратился в кашу, а голос едва держался:

— Хорошо...

Иньшэнь с облегчением выдохнул, решив, что Сяо Яо на удивление легко уговорить, иначе он и сам не знал бы, как поступить.

Глубокий, крепкий сон всю ночь.

Когда Сяо Яо проснулся в волнах тепла, он еще какое-то время не мог прийти в себя.

Стояла весна, конец марта, в Цзяннань Лочэне еще ощущался легкий весенний холодок. Сяо Яо не стал специально регулировать температуру в помещении, поэтому поутру в комнате все же было прохладно.

— Проснулся? Еще рано, можешь поспать еще немного. — Низкий голос раздался прямо над ухом и заставил Сяо Яо окончательно прийти в себя.

Воспоминания быстро вернулись, и Сяо Яо почувствовал, что дело принимает скверный оборот.

Прошлой ночью... он что, затащил Властелина ёкуев Иньшэня, старшего Бай, к себе в постель? Да еще и зарылся в его мягкую, пушистую длинную шерсть, обняв за крепкую шею, и проспал мертвецким сном до самого утра?

...Аминь, отличная работа.

Тьфу, не то. Что за крамольные и кощунственные мысли.

Сяо Яо шевельнул ногой, уперевшись коленом в мягкий живот Царя Бай, отчего тот невольно съезжился.

Уязвимое место Иньшэня оказалось выставлено напоказ так просто — то ли этот Властелин ёкуев был чересчур наивен, то ли уверен в себе до самонадеянности.

У Иньшэня не было на этот счет лишних мыслей. Передними лапами он притянул Сяо Яо за плечи, успокаивающе похлопал его, а затем слегка опустил голову. Низкий и мягкий голос зазвучал прямо у барабанной перепонки Сяо Яо, приобретая почти вызывающую трепет чувственность:

— Прошлой ночью, когда ты закончил принимать ванну... Я без твоего разрешения подслушал твои мысли.

— Мне показалось, ты плакал... — Иньшэнь попытался подобрать в памяти формулировки, которые не так сильно задели бы чужую гордость, и тихо утешил Сяо Яо: — Издавал такие жалобные звуки.

— Ты слишком устал? Или случилось что-то печальное?

Поразмыслив так и этак всю ночь, Иньшэнь все же решил быть честным с этим человеком. В конце концов, способность читать чужие мысли не была каким-то секретом — любые ёкуи с хоть сколько-нибудь заметным совершенствованием знали об этом. Если он скажет об этом сейчас, в дальнейшем ему будет проще общаться с людьми.

Сяо Яо: —

Сяо Яо лишился дар речи, горячая волна стремительно прилила к кончикам его ушей, лицо слегка изменилось, и он подумал: если бы ты не лизнул меня в подбородок, стал бы я зависать на месте и издавать жалкие звуки?

Хотя нет, стал бы. Любители пушистиков бесстрашны.

Не в силах противостоять угрызням совести, Сяо Яо уткнулся лицом в основание шеи Иньшэня и глухо произнес:

— Нет... дело вовсе не в печали. Просто... я люблю пушистых. Просто Иньшэнь выглядит точь-в-точь как собака из моих мечтов. Просто меня лизнул в подбородок идеальный пушистик — ах, жизнь удалась.

Сяо Яо тайком тискал собаку, запуская пальцы в шерсть на затылке Иньшэня и то надавливая, то отпуская их. Многим ёкуям, особенно псовым и кошачьим, нравилось, когда им гладят шерсть; если движения не были слишком грубыми или внезапными, это не считалось проявлением неуважения.

Иньшэнь прищурил глаза и совершенно невозмутимо позволил себя гладить.

Человеческая ладонь была изящной, теплая и прохладная кожа скрывала суставы пальцев, похожие на побеги бамбука. В ней не было женственной хрупкости, а сила нажатия и ощущение подушечек пальцев оказались в самый раз.

Иньшэнь подумал, что Сяо Яо, должно быть, с самого детства был невероятно послушным ребенком.

Когда этот молодой человек только вернулся в резиденцию, его облик был аккуратным и собранным. От его темно-синего плаща веяло прохладным и липким дыханием весеннего дождя, челка зачесана назад, чистый взгляд, бледное лицо — со стороны он напоминал заведенные часы, которые двигаются с абсолютной точностью до секунды.

Но когда этот человек вышел из ванной, окутанный облаком пара, в халате, который хоть и не был запахнутым, но явно сидел не с безупречной строгостью, Иньшэнь почувствовал, что перед ним предстал послушный молодой господин.

Из тех избалованных мальчиков из знатных семей, которые с малых лет прилежно учатся и даже лезут на дерево с опаской испачкать парадные одежды, — до одури послушный молодой господин.

Иньшэнь прожил на свете немало лет, но богатством словарного запаса не отличался. Как он ни ломал голову, не мог подобрать других эпитетов: ему казалось, что у него очень послушная мокрая челка, падающая на лоб; он очень послушно выглядел, когда приседал на корточки, чтобы поговорить; и даже спал мертвецким сном, обвившись вокруг его шеи, тоже удивительно послушно.

Настолько мягко и послушно, что казался на три-четыре года моложе.

Медленно ворочая мысли в голове и видя, что Сяо Яо не собирается досыпать, Иньшэнь то так,

то так заводил разговор, непринужденно беседуя с ним.

Возможно, из-за чересчур доверительной атмосферы они сами не заметили, как проболтали больше часа. Иньшэнь заодно составил для себя представление о текущем положении дел в Управлении по делам демонов.

Управление по делам демонов было создано после того, как в Китае укрепили административное управление, и по меркам долгой истории считалось совершенно новой структурой.

Раньше бродившие среди людей демоны, духи и нечисть управлялись различными мастерами мистических искусств. Пока те не замыслили дурного, многие вполне успешно процветали среди людей. Среди них немало тех, кто заключал с людьми браки и проживал с ними жизнь до конца, а некоторые даже уходили в буддийские и даосские обители, добровольно служа им.

Однако подобная система управления всё же была слишком расхлябанной. Стоило кому-то затаить злой умысел, как это неизбежно приводило к человеческим жертвам, причем зачастую не к одной. Когда мистики бросались расследовать случившееся после факта, во-первых, они уже не могли вернуть к жизни невинно убитых, а во-вторых, не всегда могли успешно схватить преступника.

С развитием технологий следы хождения демонов и духов среди людей становилось все труднее скрывать, но в то же время требования государства и народа к общественной безопасности неуклонно росли. Именно тогда и было создано Управление по делам демонов.

Целей у создания Управления было главным образом три. Первая — собирать статистику, управлять личными данными демонов, духов и нечисти, внося их в систему кредитного рейтинга. Вторая — обеспечивать защиту для законопослушных ёкуев, добившихся просветления законным путем. И третья — выступать в качестве государственного органа для контактов с мистиками, совместно управлять поведением нечисти в человеческом мире, привлекать к ответственности преступивших закон ёкуев, а при необходимости — ловить их и уничтожать.

Иньшэнь находил подобную систему управления весьма нужной.

При наличии такой структуры жизнь как людей, так и нечисти была хоть чем-то защищена. Но имелся и свой изъян: почти не было фигур, способных держать в страхе всю округу.

Среди демонов и духов действительно встречались великие мудрецы, но у большинства из них был нравы эксцентричные, и они, естественно, не желали искать себе лишних хлопот ради управления мелочью. Человеческие же мистики, управляя миром ёкуев, неизбежно проявляли предвзятость, легко вступали в конфликты с нечистью и заставляли младших ёкуев чувствовать себя незащищенно — всё это порождало нестандартные факторы.

Неудивительно, что Управление по делам демонов потратило столько сил на поиски обладающих мягким нравом и великими способностями сильных ёкуев для наведения порядка. В итоге, после долгих поисков, они вышли на Иньшэня, который прятался в горах, притворяясь самоедом и время от времени выпрашивая еду из рук туристов.

Иньшэнь лежал в ленивой позе, непринужденно болтая с Сяо Яо, и ни капли не смущался тем, что только что сказал нечто забавное:

— Мм? Чего ты улыбаешься... Разновидностей современной еды очень много, я попробовал немало нового, вкус оказался вполне неплохим.

Сяо Яо уткнулся лицом в густую белую шерсть, сдерживая смех так сильно, что у него дрожали плечи:

— Я не улыбаюсь.

Боже мой, грозный Властелин ёкуев притворялся домашним питомцем, милашничал и кланчил еду — почему это так не вязалось с источаемым Иньшэнем образом строгого партийного работника старой закалки?

Иньшэнь на мгновение замолк, слегка примерив ситуацию на себя. Похоже, он смог понять, что именно рассмешило человека, и тихо пояснил:

— Вы, люди, возможно, заблуждаетесь на мой счет как Властелина ёкуев... Я не из благородных породистых божественных зверей и не какое-то одаренное небесами чудесное создание. Я всего лишь горный белый пес, облаканный небесной милостью, которому посчастливилось обрести острые когти и зубы, благодаря чему я и стал Властелином ёкуев... У меня нет заносчивости, и я не люблю жить в окружении человеческого поклонения.

— Раньше, перед тем как я погружался в сон, у подножия горы было несколько деревень — все они находились под моей защитой. Играть с деревенскими сорванцами или выпрашивать горного фазана у проходящих мимо охотников было для меня обычным делом. — Иньшэнь вспомнил прошлое и неторопливо привел пример: — Крестьяне, видевшие меня, в основном делились со мной едой, в этом нет ничего странного.

Если говорить начистоту, в прежней обстановке Иньшэня крестьяне и верующие хоть и обращались с молитвами к «Иньшэню» со всей серьезностью, но когда они воочию видели его истинный облик, то решали, что он — всего лишь бродячая собака с гор с зачатками разума или посланник горного божества, а потому относились к нему с большей теплотой и подкармливали. В конце концов, по мнению простых людей, ни одно горное божество не стало бы плашмя лежать на земле, позволяя озорным сорванцам карабкаться по нему.

Иньшэнь никогда не объяснял это верующим. Иногда малыши слышали его человеческую речь, но взрослые в такие рассказы детей обычно не верили.

— Это потому, что они не знали, что ты — Властелин ёкуев. — Сяо Яо не удержался от тихого смешка в горле, вырвавшегося потоком воздуха, от которого пух на шее Иньшэня забавно зашевелился. — Если бы они знали, что ты — защищающий их Властелин ёкуев, они бы каждые несколько дней со всеми предосторожностями возжигали благовония и преподносили тебе дары, либо издали заметив тебя, заранее готовили угощения, а сами отступали назад с тремя поклонами и девятью земными битьями лба.

— — Иньшэнь поперхнулся, представив себе описанную Сяо Яо картину, и решил, что собачья жизнь в таком случае потеряла бы всякий смысл. Разве это жизнь для собаки? Ни погрызть косточку, ни побегать и порезвиться с друзьями, ни поглаживаний с массажем — чистое издевательство над животным.

Сяо Яо, конечно, просто шутил. Он не застал ту эпоху, о которой говорил Иньшэнь, и лишь представил всё со слов самого ёкуя, не претендуя на историческую достоверность.

Поразмыслив над словами Сяо Яо, Иньшэнь в конце концов вынес вердикт:

— Оказывается, у тебя тоже немало слов.

Сяо Яо тихо хмыкнул и ответил:

— Это мы подходим друг другу.

Обычно он не любил много говорить, но, возможно, из-за того, что Иньшэнь выглядел точь-в-точь как собака его мечты, а может, из-за царившей между ними чрезмерно интимной атмосферы, за разговором он незаметно для самого себя стал гораздо более разговорчивым.

Их действительно можно было назвать подходящими друг другу.

Будучи начальником Управления по делам демонов, Сяо Яо сам по себе являлся могущественным мистиком. Государство назначило его временным опекуном Иньшэня, разумеется, не только из-за его руководящей должности, но в первую очередь из-за выдающейся силы. Мир мистиков жил по тем же законам, что и мир ёкуев: там правит сильнейший. Пока ты не принадлежишь к какому-нибудь строгому клану или школе, тот, кто сильнее — тот и отец.

Начальник Сяо, наводящий страх на всё мистическое сообщество, приходился отцом отца отца... Короче говоря, обладая таким статусом, он вполне мог общаться с Иньшэнем на равных, и о какой-то разнице в поколениях не могло быть и речи.

Сяо Яо тоже редко когда проявлял подобную инициативу сближения.

Уловив некий тонкий подтекст, Иньшэнь опустил голову, взглянул на человека и сдержанно

произнес:

— Разбрасываться словами о судьбоносной связи не стоит. — Псовые ёкуи издавна придавали огромное значение узам, и эта брошенная человеком между делом фраза о близости душ в глазах Иньшэня стремительно вознеслась до уровня сватовства.

Слишком несерьезно.

Иньшэнь прижал уши, судорожно пытаясь выскрести из головы остатки скудных познаний в словесности. Он как раз подбирал слова для ответа, когда почувствовал, что человек в его объятиях легонько оттолкнул его и поднялся.

Сяо Яо перевернулся, встал с постели, протянул руку и потрепал собачью голову Иньшэня. На его холодном лице промелькнула насмешливая улыбка:

— Время подходит, я пойду готовить завтрак — что Царь Бай желает отведать?

Собачий корм или человеческую еду?

Иньшэнь: —

Собачий корм, спасибо.

<http://bllate.org/book/19743/1941761>